

Напрестольный крест из Ростовского Борисоглебского монастыря

В.Г. Пуцко

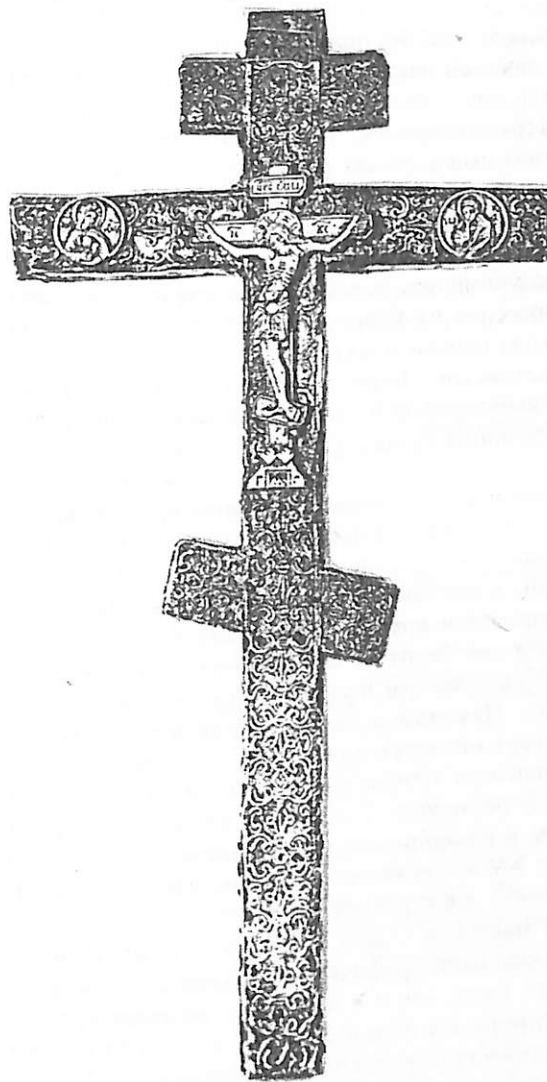
Из всех мемориальных предметов, исторически связанных с Борисоглебским монастырем, чаще всего упоминали лишь о тяжелых веригах, цепях и крестах преп. Иринарха затворника, скончавшегося 13 января 1613 г., а также о врученном ему в 1608 г. гетманом Яном Сапегою где-то захваченном знамени, ныне предположительно связываемом своим происхождением с Сольвычегодском¹. И только в популярной статье ростовского краеведа А.А. Титова о Борисоглебском монастыре был воспроизведен восьмиконечный крест как полученный основателями этой обители старцами Феодором и Павлом от благословившего их преп. Сергия Радонежского. В 1968 г. данную реликвию удалось обнаружить в фондах Ростовского музея среди незаинвентаризированных вещей, уже утратившим серебряную, круглую накладку сверху, которая еще была зафиксирована в названной репродукции. Крест, впоследствии возвращенный в Борисоглебский монастырь, тогда предполагалось поместить в экспозицию создаваемого отдела древнерусского искусства.

Вопрос о принадлежности креста к эпохе преп. Сергия Радонежского невозможно было решить положительно, и тем более датировать его временем основания монастыря – 1363 г.: этому противоречили форма и пропорции, иконография и стиль литых серебряных накладных Распятия и медальонов, и, наконец, рисунок басмы. Все скорее указывало на вторую половину XVI в. Однако отсутствие сравнительного материала тогда не позволило осуществить атрибуцию данного предмета церковной утвари, и только сейчас, по истечении нескольких десятилетий, оказалось возможным сделать конкретные выводы, в целом не противоречащие первоначальным предположениям.

Крест, размером 25,4x14,2 см, толщиной около 2,0 см, деревянный восьмиконечный, составленный из четырех отдельных брусков, с нижней косой перекладиной, имеющей прямые углы. Судя по датированным произведениям русского лицевого шитья, еще в первой четверти XVI в. изображали крест с прямой нижней перекладиной (подножием), а косая появляется только в середине этого столетия, после Стоглавого собора 1551 г.² Но это вовсе не означает, что подобная типология креста не была ранее известна: она, в частности, отражена в каменных иконках XII – XIV вв.³ Такого же типа, но иных пропорций великолепный серебряный напрестольный крест, размером 36,2x18,8 см, начала XV в., царицы Елены – жены византийского императора Мануила II Палеолога, в монастыре Дионисиат на Афоне⁴. Наиболее ранее известные русские напрестольные

или воздвизальные кресты пятиконечные, с большой и верхней поперечными перекладинами, и относятся к XII – XIII вв. Напрестольный крест середины XV в., из Николо-Песношского монастыря, семиконечный, с прямой нижней перекладиной и с крупным накладным Распятием⁵. Аналогичной формы и напрестольный крест XV в. из Троице-Сергиева монастыря – одно из лучших произведений московского художественного круга, определяемый как выполненный Амвросием⁶. Золотые накладные рельефные изваяния Распятия на упомянутых песношском и троицком крестах, с довольно удлиненной фигурой, слегка прогнутой, и с прямыми простертыми руками. По сравнению с этими образцами пластического искусства XV в. более позднее происхождение борисоглебского креста становится особенно наглядным, и это касается всех его элементов. Поэтому говорить о каких-либо фрагментах изделия 1363 г. явно не приходится.

Обращает на себя внимание высоко поднятая большая перекладина, подобно тому, как и у троицкого напрестольного креста XV в. Не исключено, что это случайное совпадение, но, тем не менее, его надо отметить. Отчасти еще потому, что рельефные полуфигуры скорбящих Богоматери и Иоанна Богослова в круглых медальонах воспринимаются как скопированные с резных, украшающих центральную часть иконы-складня 1456 г. в золотой оправе, изготовленной ино-

Напрестольный крест. Дерево, серебро, литье, басма. Около 1600 г. Из Ростовского Борисоглебского монастыря.

ком Амвросием⁷. Правда, копия с отступлениями от оригинала, но все же ориентированная на этот образец. Басма имеет рисунок ренессансного характера, с мотивом образуемых растительными стеблями симметричных разводов, с отходящими листьями. Полоса этого орнамента, по ширине строго соответствующая поперечным размерам планок креста, с обеих сторон ограничена валиком, имитирующим жгут. Серебряные накладки, выполненные в технике литья, точно так же строго соотнесены по размерам с шириной тех самых планок. Эта пропорциональность говорит об изысканном вкусе мастера. В верхней части креста, в перекрестье малой перекладины, заметны три отверстия – следы крепления круглого медальона с изображением Спаса Нерукотворного, зафиксированного на воспроизведении 1900-х гг. Не ставя своей целью проследить появление этого образа над Распятием в иконографической схеме русских крестов, можно все же отметить примеры в резьбе каменных крестов XVI в. из Верхнего Поволжья. Это показателен установившийся обычай, отраженный и в деревянной резьбе. Достаточно упомянуть новгородский поклонный крест начала XVI в. из церкви Воскресения на Красном Поле⁸, крест 1592 г. из часовни Сретенской (Пятницкой) церкви в Вятке⁹.

Напрестольный крест из Ростовского Борисоглебского монастыря как по общей типологии, так и по иконографии и стилю непосредственно сближается с группой изделий из ризницы Троице-Сергиевой лавры, особенно той ее частью, которая датируется концом XVI – началом XVII в.¹⁰ Три креста, наиболее ранних, подписные, с именем Троицкого архимандрита Дионисия Зобниновского. Все они также небольших размеров, отличаются простотой формы и правильностью пропорций, со всех сторон обложены тонкой серебряной басмой, в круглых накладных медальонах тоже изображения Спаса Нерукотворного и предстоящих, выполненные в технике литья или гравюры на металле. Распятие обычно отличается довольно пластической фигурой Христа, с легким изгибом, и слегка изогнутыми в локтях простертыми руками. Накладное Распятие рассматриваемого креста иного характера: торс круто изогнут, руки сильно прогнуты в локтях, и тело не оказывается обвисшим только потому, что ноги опираются на нижнюю косую перекладину-подножие. Указанный иконографический вариант становится известным в иконописании Константинополя первой половины XIV в.¹¹, и в начале XV в. проявляется изредка как в византийских, так и в московских иконах¹², а в середине XVI в. достигает проявления натурализма у псковских мастеров¹³. Для западной художественной традиции это является своего рода иконографической нормой с эпохи средневековья¹⁴. Не исключено, что здесь, как и в псковской иконописи, можно усматривать воздействие иноземных образцов, чаще всего в это время осуществляемое через посредничество критских иконописцев. В Московской Руси, однако, предпочитали более традиционный характер Распятия, иногда лишь с заметно прогнутыми в локтях руками, как это можно отметить в резьбе сольвычегодского деревянного креста, выполненного

около 1600 г.¹⁵, когда был изготовлен и описываемый напрестольный крест. Судя по четырем отверстиям от гвоздей, ниже Распятия была еще одна серебряная накладка, впоследствии утраченная, и о сюжете ее изображения можно узнать лишь из старых монастырских инвентарей, если они сохранились. Известна лишь Опись 1748 г.

Сходство с троице-сергиевскими крестами дает основания отнести к их числу и напрестольный крест из Ростовского Борисоглебского монастыря, засвидетельствовав, что в монастырском предании сохранилась об этом память. Хотя, разумеется, изготовление креста относится уже ко времени не преп. Сергия, а преп. Иринарха, о котором, в сущности, довольно мало известно¹⁶. Тем больший интерес представляет его житийная икона рубежа XVII – XVIII вв.¹⁷ Но если в житии и житийной иконе имеем результат агиографического осмысления реалий, то в данном случае перед нами если не единственная, то одна из немногих принадлежностей богослужебного обихода Борисоглебского монастыря четырехсотлетней давности. То есть сама священная реалия, чудом спасенная от уничтожения и своевременно опознанная как историческая реликвия.

- 1 Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 929; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич: памятники художественной старины. М., 1913. С. 61. Ил. на с. 55; Свирин А.Н. Древнерусское шитье. М., 1963. С. 92. Ил. на с. 89, 91; Маясова Н.А. Древнерусское шитье. М. 1971. С. 32-33. Табл. 54.
- 2 Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 356, 357.
- 3 Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI – XV вв. М., 1983. Табл. 20:3, 51:1, 62:1.
- 4 Мошин Вл. Крст царице Јелене, кѣри кнеза Драгаша // Уметнички преглед. Бр. 1. Београд, 1938. С. 136-137.
- 5 Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII – XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. С. 69-71. Рис. 19.
- 6 Олсуфьев Ю. Опись крестов Троице-Сергиевой лавры, до XIX века и наиболее типичных XIX века. Сергиев, 1921. С. 5-7 (№ 4/16); Флоренский П.А., Олсуфьев Ю.А. Амвросий – троицкий резчик XV века. Сергиев, 1927. С. 39-41. Табл. 12-26; Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики XIII – XVII веков в собрании Загорского музея. С. 311-314 (№ 155).
- 7 Флоренский П.А., Олсуфьев Ю.А. Амвросий – троицкий резчик XV века. С. 14, 37-39. Табл. 1-11.
- 8 Русская деревянная скульптура. Альбом. Сост. Померанцев Н.Н., Масленицын С.И. М., 1994. Ил. 29, 31.
- 9 Известия имп. Археологической комиссии. Вып. 44. СПб, 1912. С. 106. Рис. 8.
- 10 Олсуфьев Ю. Опись крестов Троице-Сергиевой лавры... С. 13 (№ 11/32), 14 (№ 12/4), 15 (№ 14/28); Спирина Л.М. Троицкие кресты XVI – XVII вв. в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника (К вопросу о лицевых изображениях на произведениях серебряного и золотого дела XVI – XVII вв.) // Троице-Сергиева лавра в истории культуры и духовной жизни России: Мат. Междунар. конф. 29 сент. – 1 окт. 1998 г. М., 2000. С. 345-358. Ил. 20, 21, 23, 24. Остальные рассмотренные в этой статье кресты более позднего времени, иного варианта.
- 11 Византия. Балканы. Русь: Иконы конца XIII – первой половины XV века. Каталог выставки. М., 1991. № 34.
- 12 Там же. №№ 97, 108.

- ¹³ Псковская икона XIII – XVI веков. Альбом. Сост. Родникова И.С. Л., 1990. № 110.
- ¹⁴ Bloch P. Staufische Bronzen: die Bronzekruzifixe // Die Zeit der Stauer. Bd. V. Stuttgart, 1977. S. 291-330.
- ¹⁵ 1000-летие русской художественной культуры. Каталог. М., 1988. С. 217, 391 (№ 300).
- ¹⁶ См.: Ключевский В. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 323; Книга, глаголемая Описание о российских святых... (с доп. Толстого М.В.). М., 1881 (ЧОИДР. Ч. IV). С. 105-107; Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб, 1882, Стб. 224-225; Соколова Л.В. Александр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. СПб, 1992. С. 61-63; Изд.: архим. Амфилохий. Жизнь преп. Иринарха, затворника ростовского Борисоглебского монастыря. М., 1863.
- ¹⁷ Мельник А.Г. Вновь открытая икона преподобного Иринарха в житии // Сообщения Ростовского музея. Вып. X. Ростов, 2000. С. 132-145.